

А.А. Ткачёв, Н.А. Ткачёва

Институт проблем освоения Севера СО РАН;
Тюменский государственный нефтегазовый
университет, Тюмень

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ БАРАШКИ I

Городище расположено в излучине правого берега р. Иртыш на первой надпойменной террасе в 1 км восточнее с. Барашки Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Памятник занимает южную половину плато трапециевидной формы площадью около 7000 кв. м, ограниченного с южной стороны крутым склоном береговой террасы, с востока и запада – оврагами; с северной – жилую площадку от напольной стороны отделяет дугообразная западина. Ширина углубления составляет 2–5 м, глубина – 0,1–0,3 м, длина – 50 м. Жилищные западины на современной дневной поверхности не прослеживаются.

С севера к жилой площадке памятника примыкает ровный участок плато трапециевидной формы, площадью около 6000 кв. м, на котором найдены две оградки, сооруженные из обломков белого кварца: одна диаметром 4 м, вторая – 1,5 м. Последнее сооружение располагалось на ограниченном оврагами останце подтреугольной формы, примыкающем к северному участку плато с запада. Вокруг оградки собраны мелкие фрагменты керамики и шлаки, на поверхности зафиксированы зола и древесные угольки, свидетельствующие о возможном существовании здесь производственного комплекса. В северо-восточной части памятника прослеживался проход к открытым степным участкам террасы. В наиболее узкой части прохода, между оврагами, прослеживалась западина (длина 30 м, ширина до 8 м, глубина 0,3–0,5 м), замыкающая поселенческий комплекс в единую систему. На соседнем останце коренной террасы северо-западнее поселения расположен детский могильник, насчитывающий 45 оград, сооруженных из необработанных камней белого кварца.

За два полевых сезона (1993–1994 гг.) двумя раскопами вскрыто 997 кв. м жилой площадки памятника.

Раскоп 1 площадью 925 кв. м заложен на юго-западной окраине городища, содержал культурные напластования, сложенные зольной супесью разных оттенков мощностью 0,2–1,1 м. В пределах исследованного участка расчищены остатки шести жилищ, погребение, основание каменной оградительной стенки, очаги, хозяйственные и столбовые углубления (рис. 1).

Жилище 1 – полуземлянка неправильно-прямоугольной формы (18х9х0,2–0,3 м), ориентирована по линии запад – восток с небольшим отклонением к югу, площадью 150 кв. м. В западной стенке жилища близ юго-западного угла расположен выход в виде

короткого прямоугольного тамбура, ориентированный на юго-восток (длина 1,5 м, ширина 1,2 м). Ровный пол покрыт глиняной обмазкой с добавлением речного песка толщиной до 10 см. На полу расчищена яма-хранилище, 11 хозяйственных углублений, канавка и остатки столбовых конструкций.

Основная часть хозяйственных углублений сосредоточена в восточной половине постройки. В большинстве ям встречены небольшие плоские каменные плитки, створка литейной формы, обломки посуды, кости животных. Дно и стенки одной из ям обмазаны глиной и прокалены на глубину 4–5 см. В углублении, обнаруженном под глиняной обмазкой пола, найден «клад» земледельческих орудий труда – пест, мотыга и зернотерка.

Для отопления постройки использовались три типа очагов: наземные, кострища в ямках и с каменной обкладкой. Наземную часть постройки поддерживали 58 столбовых углублений, концентрирующихся по периметру котлована и вдоль длинной оси жилища. Между опорными столбами прослеживались столбовые углубления меньшего диаметра, служившие основой разделения помещения на отдельные отсеки.

Жилище 2 расположено севернее, параллельно жилищу 1, на расстоянии 2,7–3,7 м от него – полуземлянка прямоугольной формы (27х10х0,3–0,4 м), площадью около 210 кв. м. В западной стенке у северо-западного угла расположен коридорообразный выход (длина 3 м, ширина 2 м), ориентированный на запад. Ровный пол обмазан желтой глиной с добавлением речного песка толщиной до 10 см. На полу обнаружены раздавленные сосуды (рис. 5, 7, 9), канавка, хозяйственные углубления и столбовые ямы.

Для отопления жилища и приготовления пищи использовались два типа очагов: очаг наземного типа, овальной формы (1,4х0,9 м, высота 0,15 м) находился у восточной стенки котлована на специально оставленном материковом возвышении; очаги с каменной обкладкой расположены в центре жилого помещения.

На полу расчищено 22 хозяйственных углубления, сосредоточенных вдоль северной и южной стенок жилища. В заполнении ям найдены раздавленный сосуд (рис. 5, 13), обломки литейной формы, скелет барана, отдельные фрагменты посуды и кости животных, часто на дне встречались одна-две плоские каменные плитки. Одно из углублений заполнено мелкими кусочками дробленой медной руды. На полу жилища выявлено 76 столбовых ямок, расположенных вдоль стенок котлована и по центру помещения.

Жилища 1 и 2 имели сходное внутреннее устройство и внешний вид, свидетельствующие об их одновременном функционировании. Участок между ними был перекрыт навесом, несущие балки которого опирались на крыши построек.

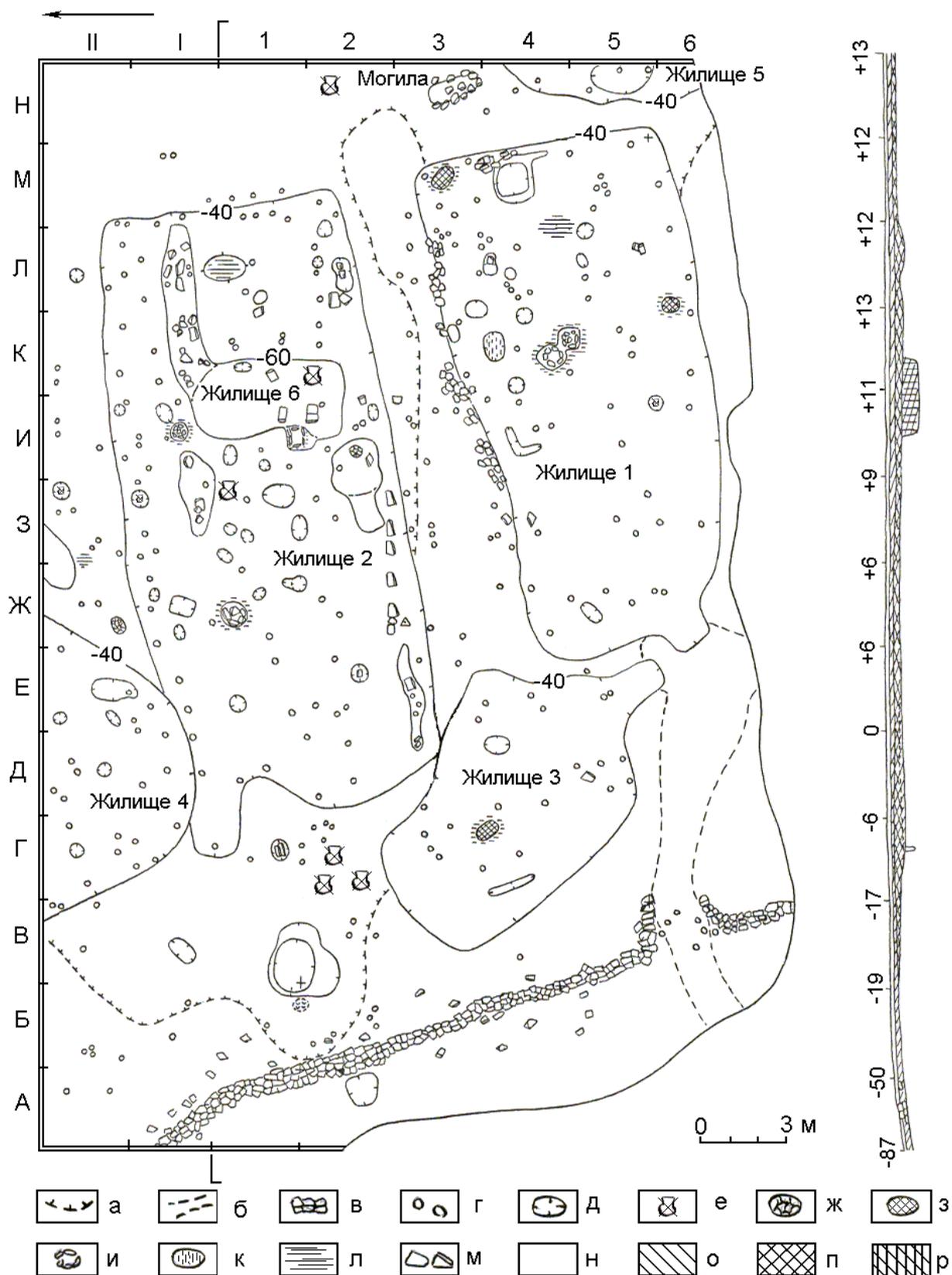

Рис. 1. Городище Барашки I. План раскопа

а – границы зольника; б – тропинка; в – каменная стенка; г – столбовые ямы; д – хозяйственные углубления; е – развал сосуда; ж – хозяйственная яма, заполненная медной рудой; з – кострище; и – каменный очаг; к – хозяйственная яма с прокаленными стенками; л – прокол; м – камни; н – коричневая лессовидная супесь; о – темно-серая гумусированная супесь; п – светло-серая золистая супесь; р – черная золистая супесь.

Жилище 3 – котлован прорезал юго-западный угол жилища 2. Постройка имела неправильно-прямоугольную в плане форму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ, размером 8–10х5,2–7х0,2–0,3 м, площадью около 70 кв. м. В центре юго-восточной стенки расположен коридорообразный выход длиной свыше двух метров и шириной до 1,2 м, направленный на юго-восток. Пол покрыт глиняной обмазкой желтого цвета с добавлением речного песка толщиной 5–10 см. В центре помещения располагался очаг в овальной (0,7х0,5х0,3 м) ямке. К западу от очага, вдоль юго-западной стенки, в глубине помещения прослеживалась канавка (1,75х0,25х0,2 м). Хозяйственное углубление (0,8х0,6х0,3 м) расположено в восточном секторе жилища. На полу вблизи южного угла лежала разбитая каменная (0,5х0,3х0,1 м) плита. На дне котлована выявлено 21 столбовое углубление, основная часть их образует овал неправильной формы (6,5х4 м) вокруг центральной части помещения.

Жилище 4 исследовано частично, южный угол полуземлянки прорезал котлован и северную стенку выхода жилища 2. Изученный участок котлована (41 кв. м), свидетельствует об идентичности его формы и размеров жилищу 3. Глубина подземной части 0,2–0,4 м, ровный пол обмазан желтой глиной с добавлением речного песка, толщиной около 10 см. На полу расчищено пять хозяйственных ям и 22 столбовых углубления, расположенных вдоль стенок котлована и в центре изученной части постройки.

Жилище 5 исследовано частично. Изучен участок котлована подпрямоугольной формы (площадь около 8 кв. м), углубленный в подстилающий грунт на 0,2 м. Ровное дно обмазано желтой глиной с добавлением речного песка, толщиной 5–10 см. На полу расчищено хозяйственное углубление – яма неправильно-овальной формы (2,0х1,2х0,2 м) и пять ямок от столбов, расположенных вдоль западной стенки постройки.

Жилище 6 обнаружено после удаления глиняной обмазки пола жилища 2 – частично сохранившийся участок прямоугольного котлована (5,5х2,4–2,8х0,6х0,15–0,3 м) площадью 16 кв. м. На дне обнаружен раздавленный сосуд, каменная кладка, хозяйственное и столбовые углубления. Пол обмазан глиной с добавлением речного песка толщиной 2–3 см. В западной части помещения находилась медеплавильная печь, частично врезанная в стенку и пол постройки. Яма печи укреплена плотно подогнанными каменными плитами. В заполнении встречены куски прокаленной глиняной обмазки, медные шлаки и обломки растрескавшихся прокаленных каменных плиток от верхней части конструкции. С южной стороны печи обнаружено скопление костей животных, использовавшихся, вероятно, в металлургическом процессе.

Среди конструкций, исследованных на межжилищном пространстве (погребение человека, очаг, хозяйственные и столбовые углубления) особый интерес представляет полуразвалившаяся кладка из каменных плит. Она ограничивала западную часть жилой площадки и располагалась на расстоянии 2–4 м от края оврага (рис. 1). Прослежено два участка: северный длиной 19 м заканчивается в осыпях оврага; южный длиной 2,5 м прослежен до южного берегового обрыва мыса. Стенка представляла собой кладку из плоских каменных плиток, уложенных плашмя на материк. Ширина основания 0,4–0,75 м. Сохранившаяся часть фундамента состоит из двух-четырех слоев камней при высоте 0,3–0,4 м. С внешней и внутренней сторон прослеживается развал камней от верхней части. Стенка сложена на «сухую», из хорошо подобранных плоских плиток сланца и гранита. Реконструируемая высота ограничительной стенки достигала 1,0–1,2 м.

В южной части ограждения прослежен сквозной проход в виде двух параллельных стенок длиной 1,5–1,8 м из плашмя уложенных плит. Ширина проема с внутренней стороны жилой площадки составляла 1,6 м, с внешней – 2,2 м. В центре проема вкопан опорный столб, от которого отходили линии столбов, расположенных под прямым углом друг к другу, острием к внутренней части поселения. Одна линия из трех столбов, включая центральный, ориентирована на северо-запад; вторая – из четырех углублений – ориентирована на юго-запад. По осевой линии прохода на расстоянии 1,25 м от центрального столба с внешней стороны стенки расположено второе столбовое углубление. Расстояние между столбами в проходе 0,25–0,5 м. Лабиринтообразное воротное устройство сделано так, что между столбами могло проходить не более одного человека.

Входные ворота вместе с оградительной стенкой не только защищали поселок при нападении, но и ограничивали края жилой площадки, чтобы жители, особенно дети, не могли упасть в овраг в ночное время (глубина оврагов достигает 28 м). В воротах и на примыкающих к ним участках прослежено углубление-тропинка (ширина 1,2–1,5 м, глубина 5–7 см). Она начинается с подквадратной углубленной площадки (3,5х3,5 м), к которой обращен выход из жилища 1. Длина прослеженного участка тропинки до ворот составляет 6,5 м, в воротах она поворачивает на юго-запад (прослежен участок длиной около 3,5 м) и выходит к спуску к реке, пролежавшему по юго-западному гребню мыса.

Общая толщина культурных напластований на городище Барашки I достигает 0,2–1,1 м. Поверх культурных отложений под дерново-гумусным слоем (толщина 1–2 см) фиксировался слой коричневой лессовидной супеси мощностью до 15 см, ниже

залегала темно-серая гумусированная золистая супесь (0,1–0,2 м), перекрывающая все культурные напластования. За пределами котлованов в основании культурного слоя фиксировалась прослойка зольной супеси мощностью до 10 см. Котлованы жилищ заполнены золистой светло-серой супесью. Придонная часть полуземлянок более темная от включенных в нее угольков и органических остатков. Жители обмазывали дно жилищ желтой глиной с добавлением речного песка неоднократно: в разрезах прослеживаются тонкие черные прослойки. Вероятно, перед обмазкой дно помещений предварительно очищалось от мусора. Котлован жилища 6, связанный с металлургическим производством, заполнен черной золистой супесью. Культурный слой подстилает легко разрушающийся желтый лессовидный суглинок. Видимо поэтому, жители поселка вынуждены были обмазывать дно помещений плотной желтой глиной.

Раскоп 2 площадью 72 кв. м был заложен в северной части жилой площадки над центром дугообразной западины. В раскопе исследован участок рва, имевший вид слабоизогнутого зигзага, восточная часть которого направлена на север в напольную сторону; западная – к внутренней части поселения. Ширина оборонительного сооружения на уровне материка 3–3,5 м, глубина 1,6–1,8 м, северная стенка рва крутая, южная более пологая. Заполнение рва сложено из золы и зольной супеси различных оттенков, содержащей разбитые камни, куски медной руды, обломки костей, керамику и отдельные вещи: обломок бронзового ножа (рис. 2, 4), обломок глиняной статуэтки (рис. 3, 6), костяную проколку (рис. 3, 2) и заготовку пряслица (рис. 3, 3).

С внутренней стороны рва прослежено основание вала в виде глинисто-золистого пестроцвета, мощностью 15–20 см, лежащего на материковом суглинке. Перед сооружением оборонительной системы был удален дерновый слой. Внутренний вал насыпан из легко разрушающегося лессовидного суглинка и с течением времени развевая, перекрыв жилую площадку поселения поверх культурных напластований слоем коричневого лессовидного суглинка, которым и был сложен вал городища. Стратиграфические данные позволяют говорить о том, что по мере заполнения рва мусором он зачищался, как минимум четыре раза, а потеряв свое значение, был окончательно засыпан.

На поселении собрана большая коллекция вещевого инвентаря. Изделия из бронзы представлены ножами (рис. 2, 4, 8), наконечниками стрел (рис. 2, 1, 2), шилом (рис. 2, 6), пробойником (рис. 2, 7), иглой (рис. 2, 5), шилом, отлитым в односторонней литейной форме с хорошо сохранившимися литейными заусенцами (рис. 2, 3). В культурном слое обнаружены многочисленные обломки медной руды, мелкие кусочки и капли металла.

Изделия из кости представлены трехдырчатым слабоизогнутым псалием (рис. 3, 11), амулетом-подвеской (рис. 3, 1), проколкой (рис. 3, 2), обломком костяной пряжки (рис. 3, 8), ложкаобразным предметом, игровой костью из астрагала барана со сточенными боковыми гранями, тупиками и трепалами из челюстей животных. Изделия из глины не многочисленны: литейная форма для отливки тесла, грузило (рис. 3, 14), керамическая крышка (рис. 3, 13), поделка в виде колеса с выступающими с двух сторон втулками-ступицами, орнаментированными треугольными оттисками (рис. 3, 5), пряслица (рис. 3, 4, 7, 12), кружки (рис. 3, 3, 9, 10), обломки кирпичиков и куски прокаленной глины, передающие детали устройства плавильных конструкций.

Среди предметов из глины особо стоит отметить обломок статуэтки, представляющей собой изображение женщины с ярко выраженными признаками пола: слегка выступающим округлым животом, под которым прослеживается ямка пупка, широкие бедра переходят в сужающуюся округлую талию. У основания бедер частично сохранилось отверстие, судя по которому, скульптура носилась вниз головой. Реконструируемая высота женской фигурки около 8–10 см (рис. 3, 6).

Наиболее многочисленную группу составляют изделия из камня: литейные формы, мотыги, зернотерки, куранты, песты, диски, оселки, абразивы.

Керамический комплекс памятника неоднороден по культурно-хронологическим характеристикам. Особенности распределения посуды в культурном слое, планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют выделить две группы посуды.

Группа I объединяет сосуды средних размеров, с диаметром по венчику 12–20 см, при толщине стенок 6–8 мм. Посуда изготовлена из глиняного теста с примесью мелкого речного песка, шамота (58,9%) и дресвы (48,7%), значительно реже встречаются слюда, мел, медная руда и органика. Тесто хорошо промешено, стенки сосудов крепкие, обжиг средний, костровой; большинство черепков в изломе черного или темно-серого цвета, иногда кирпично-красного. Во многих случаях с внешней и внутренней сторон и в изломе прослеживаются узкие полоски кирпично-красного или желто-оранжевого цвета шириной 1–2 мм. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо заглажены (42,9–83,3%) или залощены (14,3–57,1%). Посуду горшечных, горшечно-баночных и баночных форм сближает техника нанесения узора: мелкогребенчатый штамп в сочетании с желобками. В орнаментике широко распространены каннелюры и желобки (24,9%), различные треугольники (34,5%), меандровидные и ковровые узоры (9,6%), вдавления (15%), горизонтальные линии (4,6%). Значительно реже встречаются наклонные оттиски (4%), зигзаги (3,4%), елочка (2,3%). Основная масса узоров нанесена мелкогребенчатым штампом (55,1%),

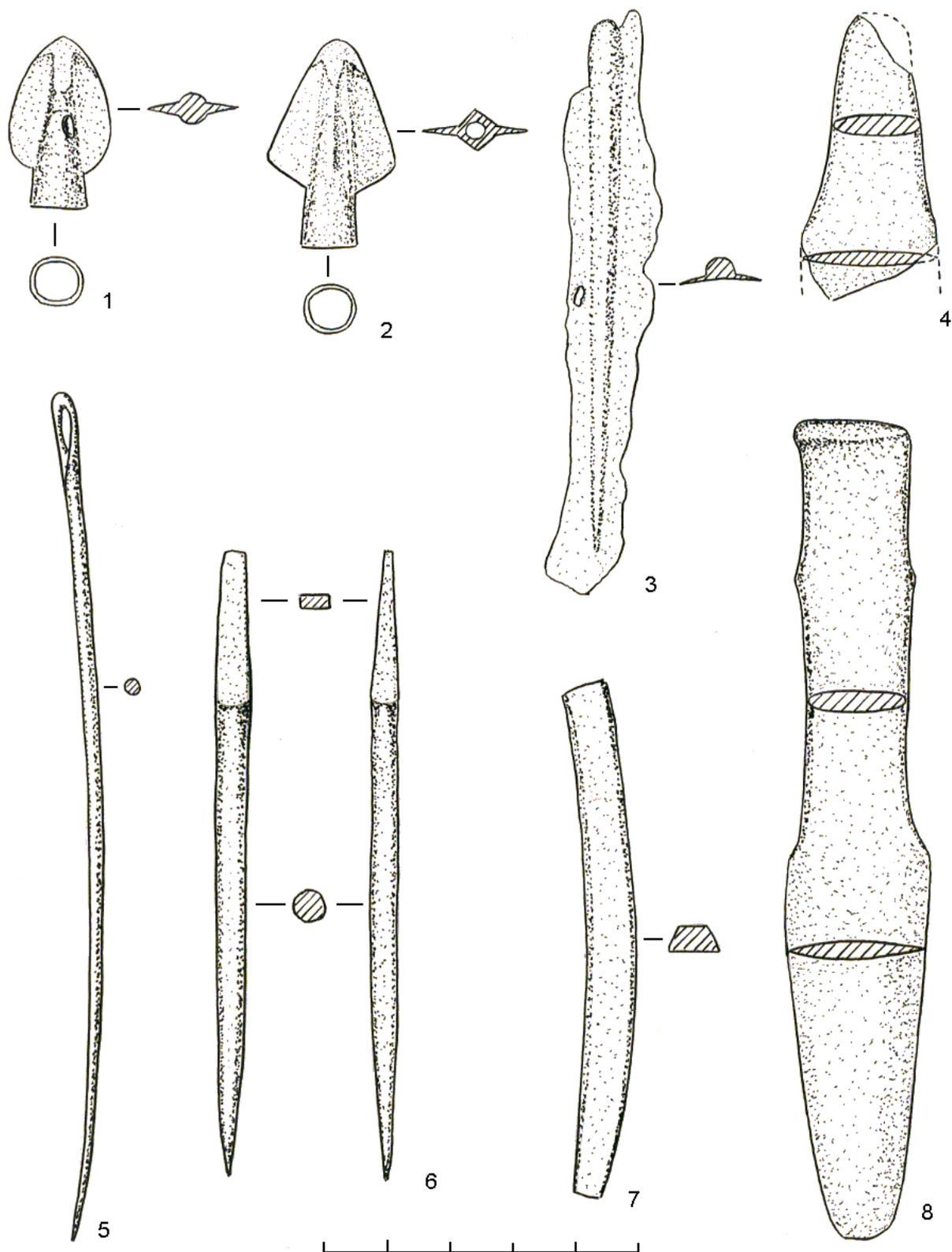

Рис. 2. Городище Барашки I. Изделия из бронзы
1 – межжилищное пространство; 2 – жилище 2; 3 – жилище 6; 4 – ров; 5, 7 – жилище 3; 8 – жилище 4.

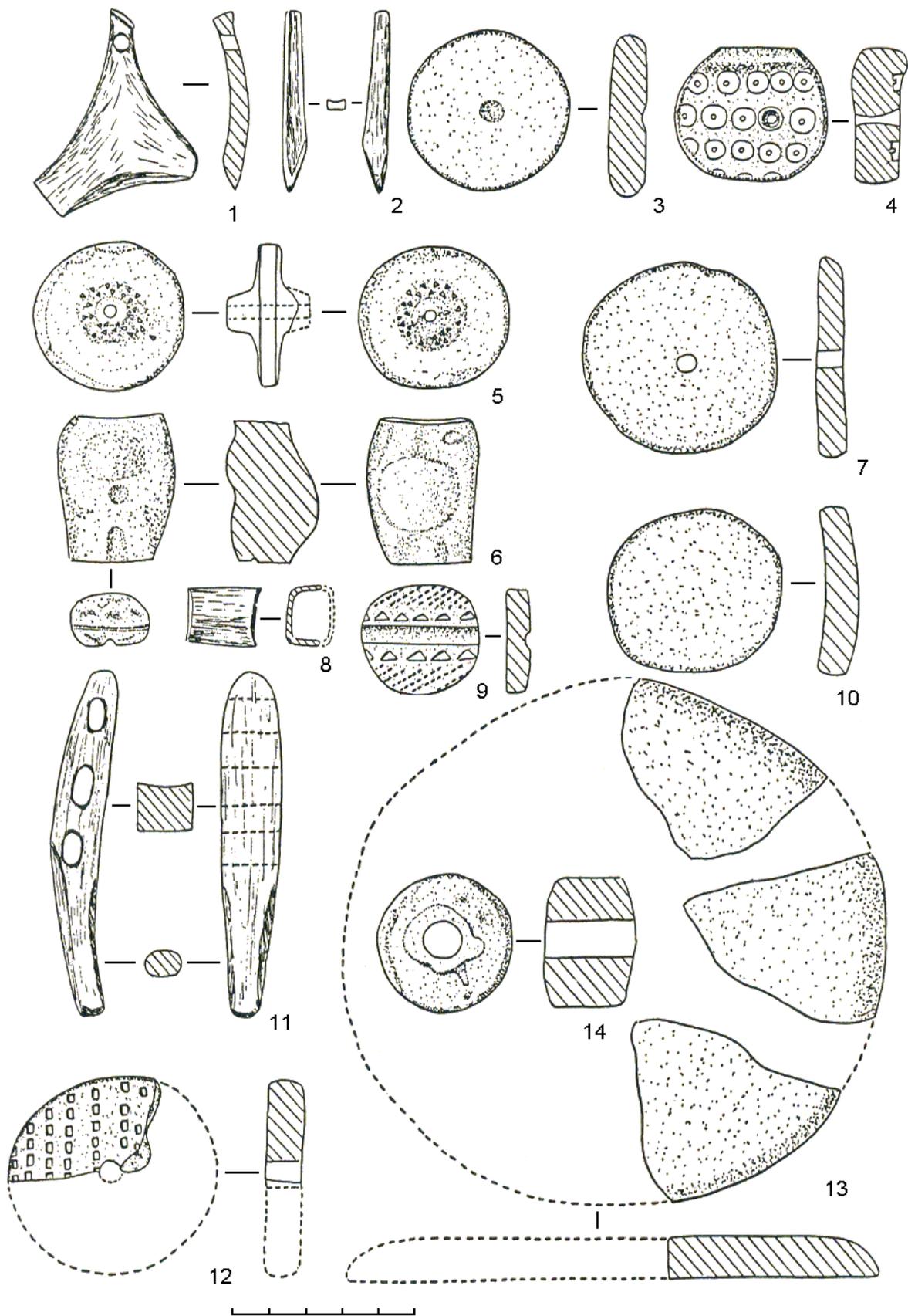

Рис. 3. Городище Барашки I. Вещевой инвентарь

1, 5 – жилище 3; 2–3, 6 – ров; 4 – жилище 4; 7, 12, 14 – жилище 2; 8–11, 13 – жилище 1; 1, 2, 8, 11 – кость; 3–7, 9–10, 12–14 – глина.

протаскиванием (24,9%), вдавления и резная техника встречаются реже (14,9% и 5,1%). Орнамент покрывает шейку и верхнюю часть тулова сплошным полем (рис. 4; 5, 1,3), иногда украшалась и придонная часть (рис. 4, 26,27). Днище одного из сосудов орнаментировано резным крестообразным узором.

Керамика группы I достаточно широко распространена в степной полосе Евразии – от Урала до Енисея. К востоку от водораздела Ишима и Иртыша она преобладает в восточно-андроновских памятниках: в Верхнем Прииртышье аналогичная керамика происходит с поселения Канай (Черников С.С., 1960, табл. XVII, 2,7-9) и могильника Зевакино (Арсланова Ф.Х., 1975, рис. 1, 4,2-20); в Павлодарском Прииртышье определенное сходство имеет с посудой из могильника Акмола (Кадырбаев М.К., 1969, табл. I, 1,2; II, 1,4); в Верхнем Приобье встречена на поселении Большой Лог I (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, рис. 2) и Подтурино (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1993, рис. 3, 1,2,4,5); во многих могильниках от Оби до Енисея (Комарова М.Н., 1961, табл. X, 3; XI, 1, XII, 8; Мартынов А.И., 1964, табл. 1, а,е). В памятниках Центрального Казахстана данная посуда имеет наибольшее сходство с керамикой балыктинского этапа нуринской культуры (Ткачев А.А., 2002б, рис. 138, 1; 139, 6,8,9; 140, 1,2,5,6,8-10,12; 144, 4,9,10; 2003, с. 31). К западу от водораздела Иртыша и Ишима данная группа посуды имеет сходство и с керамикой федоровских памятников: могильники Федоровка (Сальников К.В., 1940, табл. 1, 1,2,8,11), Боровое (Оразбаев А.М., 1958, табл. 1, 2,4,14), Бурлук I (Зданович С.Я., 1970, рис. 2-1,3), Амангельды (Зданович С.Я., 1974, с. 71), Урефты I (Стефанов В.С., Днепров С.А., Корочкова О.Н., 1983, рис. 2, 1,9). Близкая керамика, представленная горшечно-баночными формами, обнаружена на поселениях Казахстанского Приишимья и выделена в особый бишкульский тип посуды (Зайберт В.Ф., Зданович Г.Б., 1974, рис. 1,2; Зданович Г.Б., 1973, с. 36–37, рис. 5). В то же время, на поселениях западного региона посуда горшечных и баночных форм андроновско-федоровского облика встречается в небольшом количестве (Зданович Г.Б., 1973; Потемкина Т.М., 1985). Это объясняется отсутствием в междуречье Урала и Иртыша однослойных поселений андроновско-федоровского типа, что не позволяет более полно охарактеризовать поселенческие комплексы данного круга памятников. Могильники, в связи с их специфической ритуально-погребальной обрядностью, не отражают всех сторон повседневной материальной культуры человеческих коллективов, оставивших андроновско-федоровские памятники в Зауралье и Северном Казахстане.

Посуда группы II представлена крупными обломками и развалами сосудов в основном баночных

форм с толщиной стенок 6–8 мм (67,7%). Большую группу составляет керамика с толщиной стенок 9–12 мм (24,1%). Свыше 60% сосудов крупных размеров, с диаметром по венчику 16–25 см, причем диаметр сосуда примерно равен его высоте. В качестве отощителя к глине использовался песок (98,9%) в сочетании с дресвой (61,9%) или шамотом (48,9%). Значительно реже в качестве дополнительной примеси использовались слюда, мел, медная руда. Внешняя поверхность сосудов гладкая (83,4–98,1%), внутренняя чаще затерта травой, щепой или гладким предметом (27,8–68,7%). Орнамент, при достаточно большом наборе элементов, сравнительно беден, в то же время, неорнаментированные венчики и стенки сосудов встречаются редко (не более 1% от всего керамического комплекса). Узор покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, за исключением узкой полосы в придонной части. Среди элементов широко распространена «елочка»: одно- и многорядная, горизонтальная и вертикальная (59,6%); вдавления: округлые, треугольные, фигурные, ногтевидные (29,5%); геометрические узоры, желобки, горизонтальные и наклонные линии встречаются редко (8,8%). В технике нанесения узора преобладают среднегребенчатые (до 2,5 мм) и крупногребенчатые (до 5 мм) штампы (50,2%), причем последние чаще всего, двух-трехзубые. Обычно вдавления сочетаются с гребенчатой и резной техникой (35,1%).

Среди посуды группы II можно выделить три подгруппы.

1. Посуда горшечных форм (1,9%), представленная тремя разновидностями:

– горшки с широкой горловиной и короткой шейкой, плавно переходящей в округлое или слегка раздутое тулово (рис. 5, 14; 6, 27);

– горшки с короткой, почти невыделенной, шейкой и резким переходом в раздутое тулово (рис. 6, 3,21);

– горшок с высокой прямой шейкой и перегибом в нижней трети тулова, переходящим в уплощенное или округлое дно (рис. 5, 5).

2. Сосуды горшечно-баночных форм (8,1%), имеющие слегка выраженную прямую или слегка отогнутую наружу шейку и малую раздутость тулова.

3. Сосуды баночных форм (90%), имеющие прямые или слегка наклоненные во внутрь шейки (рис. 5, 7-13,15).

Посуда горшечных форм отличается не только по форме, но и по принципам орнаментации: два фрагмента не орнаментированы (рис. 5, 14; 6, 3), третий украшен вдавлениями и овальными насечками по срезу венчика, четвертый орнаментирован по всему тулову треугольными вдавлениями (рис. 6, 27), пятый – «елочкой» (рис. 6, 21), только шестой нарядно украшен гребенчатым штампом (рис. 5, 2).

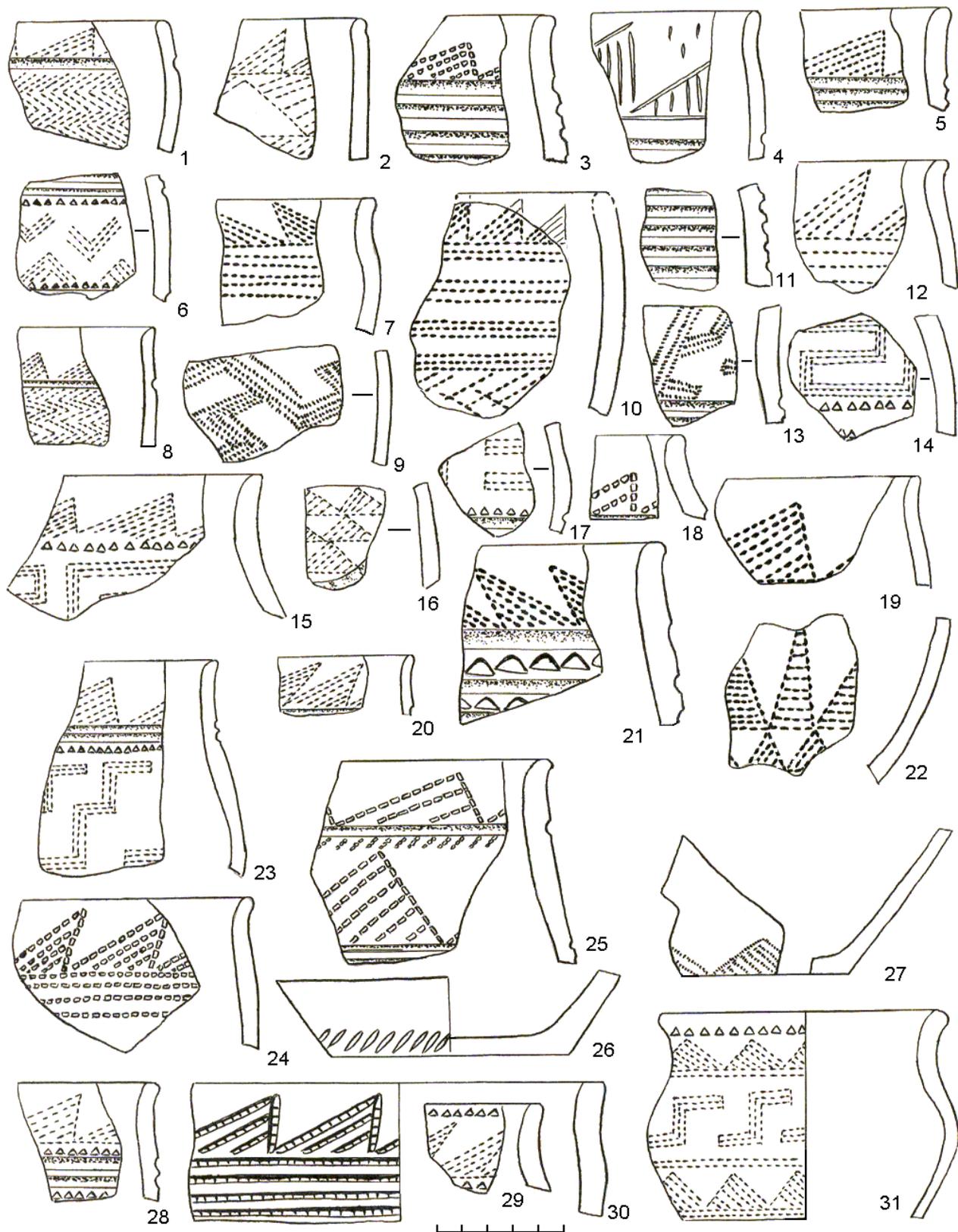

Рис. 4. Городище Барашки I. Керамика группы I

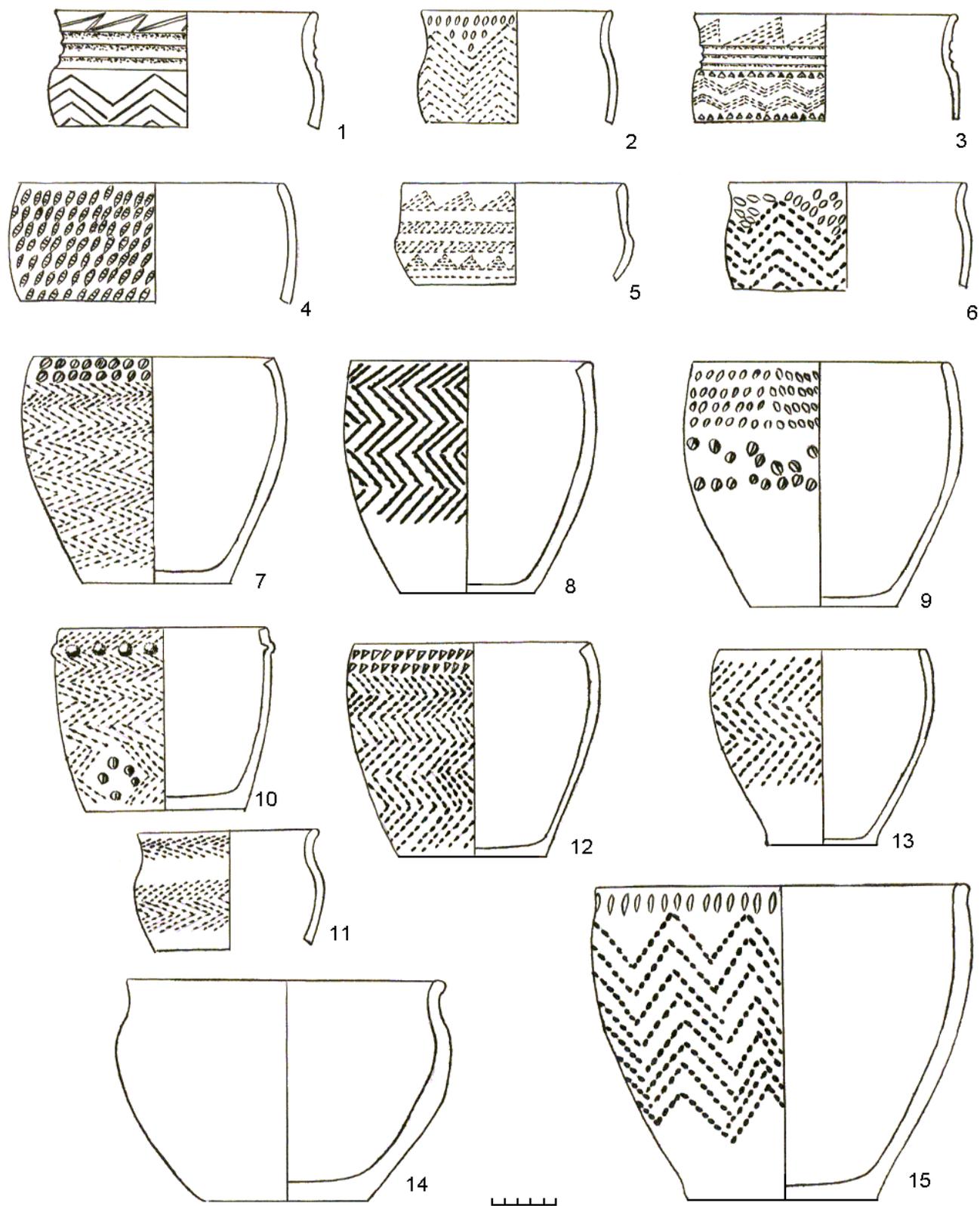

Рис. 5. Городище Барашки I. Целые и реконструируемые сосуды
 1, 3 – керамика группы I; 2, 4–15 – керамика группы II;
 8, 10, 12, 14 – межжилищное пространство; 7, 9, 13 – жилище 2; 15 – жилище 1.

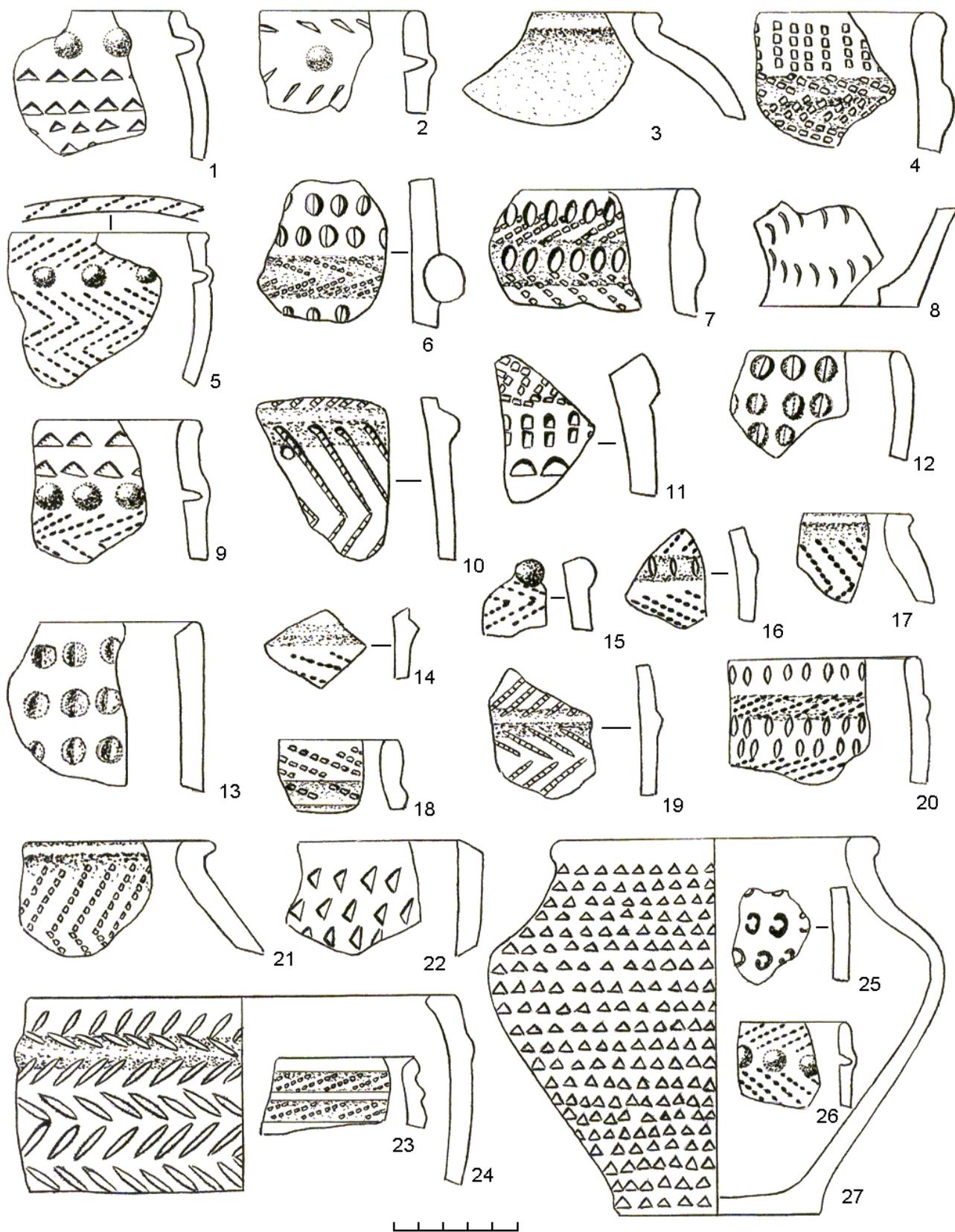

Рис. 6. Городище Барашки I. Керамика группы II. Жемчужно-валиковый комплекс

Посуда горшечно-баночных форм орнаментирована просто, но нарядно: «елочкой» (рис. 5, 11), горизонтальными линиями и вдавлениями, «елочкой» в сочетании с вдавлениями или оттисками гладкого или гребенчатого штампа (рис. 5, 3,5), вдавлениями. Особо следует выделить композиции из сочетания чередующихся желобков и наклонных линий, иногда дополненных треугольными вдавлениями. Можно допустить, что сочетание желобков и наклонных линий послужило прототипом для возникновения валиковой орнаментации, тем более что валики очень часто украшены косыми линиями.

Посуда баночных форм является основной. По принципам орнаментации банки можно разделить на несколько подгрупп:

– украшенные горизонтальной «елочкой» (рис. 5, 8,13);

– украшенные сочетанием вдавлений по венчику и «елочки» по тулову (рис. 5, 7,12); иногда по тулову «елочки» разделяются на две зоны горизонтальной линией из треугольных вдавлений;

– украшенные по венчику и тулову рядами ногтевидных или фигурных вдавлений (рис. 5, 9);

– украшенные по шейке валиками (1,6%) и жемчужинами (0,8%). Валики налепные или формованные, в разрезе овальные (рис. 6, 4,7,10,16,20,24), треугольные (рис. 6, 14,18,19,23), округлые (рис. 6, 6) и прямоугольные (рис. 6, 11). Орнаментированы наклонными линиями, «елочкой», вдавлениями (рис. 6, 4,6,24). Жемчужины выдавлены изнутри острой костяной или деревянной палочкой (рис. 6, 1,2,5,9,26) или оформлены в виде «налепа» (рис. 6, 15). Банки, имеющие дополнительный декор в виде валика или «жемчужин», обычно украшались по всему тулову «елочкой» (рис. 6, 5,26), вдавлениями (рис. 6, 1), насечками (рис. 6, 2) иногда в сочетании с ногтевидными или треугольными вдавлениями (рис. 6, 6,9).

Посуда баночных форм, украшенная «елочкой» в сочетании с треугольными и овальными вдавлениями (рис. 5, 12), широко представлена в могильниках Березовский и Барашки, где она встречается с посудой баночных форм, украшенной ногтевидными вдавлениями и нарядно орнаментированными горшками кызылтаского типа. Можно предположить, что могильники Березовский и Барашки оставлены жителями городища Барашки I. Сочетание разнотипной керамики на одном могильном поле может иметь два объяснения: во-первых, зарождение посуды группы II происходит на завершающей стадии кызылтаского этапа канайской культуры; во-вторых, достаточно длительно сохраняется в погребальной обрядности посуда определенного (андроновского) типа, используемая какое-то время в ритуальных целях. Постепенно посуда андроновского облика сменяется характерными для группы II банками, ук-

рашенными «елочкой» и различными вдавлениями – ногтевидными, треугольными, овальными. Одновременно появляются и новые типы горшечных форм.

Посуда группы II находит близкие аналогии среди керамики поселений Восточного Казахстана – Канай, Мало-Красноярка, Трушниково (Черников С.С., 1960, табл.17, 4,5,15,16; 40, 9,10,14-21; 43, 1,2,4). Она имеет определенное сходство с материалами могильника на Малом Мысу (Комарова М.Н., 1952, рис. 16, 1,2,7). Наиболее близкие черты прослеживаются с посудой первой группы позднебронзовых поселений степного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, рис. 1, 2-10) и с баночными формами позднебронзовых поселений Центрального Казахстана (Варфоломеев В.В., 1987, с. 59, рис. 1, 2,3; Ткачев А.А., 2002а, с. 51, рис. 17, 1,13; 18, 3,12). Наблюдается сходство и с древностями донгальского облика (Ломан В.Г., 1987, с. 115, рис. 1, 4; Ткачев А.А., 2002а, с. 91, рис. 30, 1).

Посуда горшечных форм находит аналогии среди памятников алексеевско-саргаринского круга (Зданович С.Я., 1984, рис. 1). Отмечается определенное сходство с материалами позднебронзовых поселений лесостепного Зауралья (Потемкина Т.М., 1976, рис. 3, 8,10,11), Северного (Евдокимов В.В., 1975а, с. 113, рис. 3; 1975б, с. 168–168, рис. 4; 1987, с. 72–73, рис. 2, 5,7,9; 3, 2,4,7; Зданович Г.Б., 1988, рис. 10, 5,6,9; 23, 3,4,7,11) и Центрального Казахстана (Варфоломеев В.В., 1987, с. 59, рис. 2, 3,5,6; Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1982, с. 33,35, рис. 6-1,3,6; Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 233, табл. XXXIV, XXXVI; Ткачев А.А., 2002а, рис. 17, 4,7,16; 18, 1,2,8,15). Форма сосуда с перегибом и округло-уплощенным дном (рис. 5, 5) заимствована, вероятно, с юга. Данный сосуд близок мискам с перегибом, встречающимся в чувствских памятниках эпохи поздней бронзы Ферганы (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 259, табл. XII, 5; с. 262, табл. XV, 38). В Центральном Казахстане близкий по форме сосуд найден в алексеевско-саргаринском могильнике Актопрак (Ткачев А.А., 1989, с. 100, рис. 4, 16). Вероятно, сосуд является материальным свидетельством контактов местного населения с перемещающимися дандыбаевскими группами. Это предположение подтверждают и принципы его орнаментации, имеющие определенное сходство с дандыбаевскими орнаментальными традициями (Варфоломеев В.В., 1982, с. 83, рис. 4, 4; Ткачев, 2002б, с. 206; Шамшин А.Б. и др., 1999, с. 32, рис. 5,1-5).

Распределяются выделенные группы керамики на площади раскопа неравномерно. Посуды группы I не много (9,1%), преобладает керамика группы II (90,9%). Стратиграфические и планиграфические наблюдения за отложениями разнотипной посуды позволяют связать ее с определенными жилыми конструкциями и жилищами.

Керамика группы I присутствовала исключительно в котловане жилища 6, обнаруженном под полом жилища 2, где встречены крупные фрагменты и развал андроновского сосуда. В заполнении жилищ 1 и 2 преобладает посуда группы II, найдено всего несколько крупных и средних фрагментов керамики группы I. В заполнении котлованов жилищ 3 и 4 господствует посуда II группы, керамика группы I представлена единичными мелкими обломками.

Посуда группы II равномерно распределена по всей площади раскопа, преобладая как на межжилищном пространстве, так и на полах, и в хозяйственных ямах жилых построек. Посуда, украшенная ногтевидными вдавлениями, горизонтальной и вертикальной «елочкой», достаточно равномерно распределена по всем горизонтам. Фрагменты банок жемчужно-валикового комплекса обнаружены только на полах и в заполнении хозяйственных ям. Как исключение, развал сосуда и два фрагмента этого типа встречены на межжилищном пространстве на краю котлована жилища 2. Это свидетельствует о том, что данные элементы украшения сосудов появились незадолго до того, как жилая площадка была покинута.

Последовательность бытования отдельных типов посуды прослеживается и по заполнению рва. Посуда группы I представлена мелкими фрагментами горшечно-баночных форм, орнаментированных крупным гребенчатым штампом. Вполне возможно, что эти черепки являются «репликами» канайской посуды. Преобладает в заполнении рва керамика группы II, материалы которой представлены баночными формами, отражающими все основные орнаментальные стили, характерные для последней группы посуды.

Планиграфические и стратиграфические наблюдения за отложениями керамики в заполнении рва показывают, что керамика близкая группе I обнаружена только в средних слоях заполнения рва. Очевидно, в канайскую эпоху оборонительного сооружения на поселении не существовало, и данная посуда попала в заполнение рва случайно, достаточно поздно. С другой стороны, во всех горизонтах преобладает посуда, украшенная «елочкой» и ногтевидными вдавлениями. Наблюдения свидетельствуют, что происходит постепенное огрубление данного орнаментального мотива: от легких ногтевидных вдавлений в нижних отложениях, к пальцевым отпечаткам в средних, и до грубых защипов – в верхних горизонтах. В то же время, в заполнении рва не встречено ни одного фрагмента, украшенного валиками или жемчужинами. Можно констатировать, что ров был вырыт в период расцвета на поселении посуды группы II, когда на ней появился такой элемент, как ногтевидные вдавления, а засыпан он был до появления

на посуде данной группы жемчужно-валиковой орнаментации.

Судя по керамическому комплексу и стратиграфическим наблюдениям, оборонительная конструкция (ров и вал) просуществовала недолго. Ее появление можно связать с кратковременной конфликтной ситуацией с рядом живущими коллективами. Оборонительные сооружения, утратив свое назначение, были постепенно засыпаны.

Условия залегания богатого вещевого инвентаря, за редким исключением, не позволяют выделить комплекс вещей, который достаточно объективно можно было бы связать с керамикой группы I. Основная масса находок обнаружена в заполнении, на полах и в хозяйственных ямах изученных жилищ, что позволяет объединить их с керамикой группы II.

Распределение керамики и вещевого инвентаря по строительным горизонтам свидетельствует, что жилая площадка городища Барашки I заселялась не менее трех раз.

Первый этап заселения жилой площадки представлен частично сохранившимся прямоугольным котлованом жилища 6, связанным с металлургическим производством. Ранний поселок, вероятно, занимал центральную и южную части мыса и его площадь не превышала 3–4 тыс. кв. м. Поселение просуществовало недолго: комплекс керамики этого времени представлен незначительным количеством мелких черепков. Время бытования первого поселка может быть отнесено к марининскому этапу канайской культуры в пределах второй четверти II тыс. до н.э. Можно допустить, что в третьей четверти II тыс. до н.э. жилая площадка памятника использовалась и носителями кызылтаских традиций канайской культуры, на что указывает часть фрагментов керамики, украшенных в позднеканайском стиле.

Для второго периода существования поселка можно выделить два строительных горизонта. Ранний поселок второго периода первого строительного горизонта занимал всю территорию жилой площадки. В это время возводились крупные каркасные постройки, расположенные по периметру мыса, края которого были укреплены ограничительной каменной стенкой, а сам поселок с севера защищен валом и рвом, засыпанным в конце этого периода. Вторым строительным горизонтом связан с небольшими каркасными постройками, в планиграфии которых наблюдается круговое расположение, при этом могла сохраняться и ограничительная стенка вдоль края оврага. Керамический комплекс, обнаруженный в заполнении построек первого и второго строительных горизонтов, довольно близок. В то же время, наблюдаются следующие отличия: в крупных постройках еще встречаются черепки, близкие андроновским, а в небольших они полностью отсутствуют;

в землянках второго строительного горизонта значительно больше сосудов баночных форм, украшенных в ямочно-жемчужном стиле.

Особенности домостроения, костяной и бронзовый инвентарь (псалий, нож, наконечники стрел,

литейные формы, оселки) позволяют проследить процесс сложения мало-красноярских комплексов трушниковской культуры и датировать второй период заселения жилой площадки городища Барашки I последней третью II тыс. до н.э.

Литература

Арсланова Ф.Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 73–78.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевские погребальные сооружения могильника Карагаш // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1982. С. 57–68.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1987. С. 56–68.

Евдокимов В.В. Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // ВАУ. 1975а. Вып. 13. С. 109–114.

Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тоболе // СА. 1975б. №4. С. 163–172.

Евдокимов В.В. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Приобья // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1987. С. 68–79.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копы I // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1982. С. 20–41.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 1962. №118. 328 с.

Зайберт В.Ф., Зданович Г.Б. Поселение эпохи бронзы Бишкуль IV // ИИС. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. Вып. 15. С. 71–75.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 22–43.

Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 154–163.

Зданович С.Я. Курганы эпохи бронзы у совхоза им. Амангельды по раскопкам 1970 г. // ИИС. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. Вып. 15. С. 68–71.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башк. ун-та, 1984. С. 79–96.

Кадырбаев М.К. Акмола – памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 91–106.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 1990. С. 104–128.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-1 – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 1990. С. 42–56.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 67–94.

Комарова М.Н. Томский могильник – памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1952. №24. С. 7–50.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 32–72.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1987. С. 115–129.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 453 с.

Мартынов А.И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964. С. 227–245.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 216–294.

Потемкина Т.М. Камышное II – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 97–106.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // МИА. 1940. №1. С. 58–68.

Стефанов В.С., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты I // СА. 1983. №1. С. 155–166.

Ткачев А.А. Новые памятники поздней бронзы – средневековья Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во Караганд. ун-та, 1989. С. 85–103.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002б. Ч. 2. 243 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. 1960. №88. 272 с.

Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А. Поселение Рублево VI – новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 29–41.